

НАУКА УРАЛА

СЕНТЯБРЬ 2000 г.

№ 15 (760)

Газета Уральского отделения Российской академии наук

Н.В.ТИМОФЕЕВ-
РЕСОВСКИЙ:
УРАЛЬСКИЙ
ВЗГЛЯД

– Стр. 5

Память о корифеях

Н.В. ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ: УРАЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД

Многие из тех, кто читал повесть Даниила Гранина, воспринимают Н. В. Тимофеева-Ресовского прежде всего как Зубра. Однако далеко не все лично знавшие великого российского ученого, в том числе уральцы, считают этот образ вполне удачным. У уральцев вообще свое представление о Николае Владимировиче, и наиболее полно оно выразилось в книге «Н.В. Тимофеев-Ресовский на Урале», вышедшей в свет в 1998 г. и недавно переизданной. Воспоминания, собранные вместе, создают очень достоверный и согретый любовью образ этого необыкновенного человека.

Уральцы широко отмечают столетие со дня рождения Николая Владимировича. Еще в апреле в Институте экологии растений и животных прошла традиционная конференция

молодых ученых «Биосфера и человечество», посвященная его памяти. 21 — 22 августа Отдел континентальной радиоэкологии ИЭРИЖ и Техноцентр ЛТ НИКИЭТ провели расширенный междисциплинарный семинар с иногородними гостями, где обсуждался вклад ученого в радиоэкологию. А следом, 21 — 26 августа, в Снежинске состоялась Сунгульская конференция в честь столетия Тимофеева-Ресовского, организованная администрацией г. Снежинска, РФЯЦ-ВНИИТФ, Международным центром по экологической безопасности министерства РФ по атомной энергии. Торжественное заседание проходило на озере Сунгуль, где располагалась так называемая 21-я площадка, лаборатория «Б», которую возглавлял Тимофеев-Ресовский. В зале собралось много ветеранов, людей, лично знавших Николая Владимировича. Был показан часовой фильм о нем, сделанный Е.С. Саканян с большой любовью.

В нынешнем юбилейном году «НУ» также публиковала материалы о Тимофееве-Ресовском. И все же напомню читателю основные вехи его биографии. После окончания гимназии Николай Владимирович учился в московском Свободном университете им. Шанявского и в МГУ. Довелось ему участвовать в гражданской войне, воевать в Красной армии, попадать в плен, чудом выжить, переболеть тифом. После возвращения в Москву доучивался, преподавал биологию на Пречистенском рабочем факультете, зоологию — на Биотехническом факультете Практического институ-

та, был ассистентом при кафедре зоологии Московского медико-педагогического института и научным сотрудником Института экспериментальной биологии. Там он вплотную занялся наукой под руководством Н.К. Кольцова, выдающегося российского биолога, одного из основоположников экспериментальной биологии и генетики. В 1925 г. Тимофеева-Ресовского как перспективного русского генетика пригласили на работу в Германию, в Институт мозга, расположенный в пригороде Берлина Бухе. Сначала он был научным сотрудником и заведующим лабораторией, а затем директором отдела генетики и биофизики. В Германии Николай Владимирович оставался до конца войны. Это были годы исключительно плодотворных научных занятий, годы общения и дружбы с выдающимися людьми двадцатого столетия — датским королем Христианом, с Нильсом Бором и Томасом Морганом, одним из создателей генетики.

До сих пор сохранились разные оценки германского периода жизни Н.В. Тимофеева-Ресовского, несмотря на его посмертную реабилитацию. Однажды одна из коллег Николая Владимировича в разговоре со мной посетовала, что и сейчас есть люди, пытающиеся очернить его имя, считающие его человеком с «сомнительным прошлым». А мне подумалось: к счастью, нашему поколению этого уже не понять. Время успело расставить все по мес-

там. После разгрома гитлеровской Германии Тимофеев-Ресовский с семьей был возвращен в СССР. Побывал он в сталинском ГУЛАГе, где, согласно легендам, участвовал в разборках с уголовниками, а затем был направлен на Урал в систему бывшего министерства среднего машиностроения, на предприятие п.я. 2015 (ныне г. Снежинск). В 1955 г. лаборатория, которую возглавлял Н.В. Тимофеев-Ресовский, была включена в состав Института биологии Уральского филиала АН СССР, ныне Института экологии растений и животных УрО РАН. В 1964 — 1969 гг. Николай Владимирович заведовал отделом радиобиологии и генетики в Институте медицинской радиологии АМН СССР в г. Обнинске, а затем был консультантом в Институте медико-биологических проблем в Москве.

Уральский период жизни Н.В. Тимофеевых-Ресовских — это прежде всего биофизическая станция Миассово, где они обосновались вместе с сотрудниками для проведения экспериментальных исследований. Летом в Миассово приезжало множество гостей, это были люди разных профессий — не только биологи, но и физики, математики, литераторы, желавшие окунуться в царившую там необычную научную атмосферу, принять участие в знаменитых миассовских семинарах — «трепах». По словам многих из тех, кто знал его тогда, Николай Владимирович не любил, а после лагеря, из-за плохого зрения уже и не мог писать, поэтому письменное его наследие не так уж ве-

лико. Зато устное — огромно. Каждый слышавший его лекции запомнил их на всю жизнь.

О миассовских трепах: «Николай Владимирович воспринял от своих учителей Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова и утвердил, апробировал совершенно новую форму научного исследования — «неформальные свободные коллоквиумы», или кружки, где собирались желающие послушать научные сообщения, как правило, авторские, обсудить их, поорать и показать себя, выдвинуть новые идеи, дать собственную интерпретацию фактам, развить гипотезы, сокрушить догмы. Такие «коллоквиумы» он организовывал везде и всюду, где жил и работал: в Москве, в Германии и других странах Европы, в Свердловске, Обнинске, даже в Бутырской тюрьме, где участником семинара в числе других был А.И. Солженицын, а также отбывавшие заключение святые отцы.

Самыми знаменитыми из этих семинаров были миассовские трепы. Можно смело сказать, что с 1956 по 1964 гг. в центре Ильменского заповедника существовал Институт по переподготовке и повышению квалификации научных сотрудников, ученых, преподавателей и студентов» (Ю.И. Новоженев, доктор биологических наук, зав. кафедрой зоологии УрГУ).

«Проходили они летом на улице около корпуса, куда выносились скамейки, а доска была прибита к березе. Когда на улице было прохладно, мероприятие переносилось на веранду. Трепы проводились в любое время суток. Помню однажды, когда я уже легла спать (было около 11 часов вечера), в дверь постучали и пригласили на семинар. Он начался в 12 часов ночи. Только что прибывший «ученый муж» рассказывал о магнетических лучах.

Один год был особенно жаркий, и семинар проходил в водах озера Б. Миассово. Мы, молодые девицы, сидели в купальниках на берегу и держали таблицы. Докладчики, периодически погружаясь в воду, доводили до слушателей научность проблемы, а все остальные сидели в воде и слушали» (М.Я. Чеботина, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН).

А вот каким Николай Владимирович был внешне:

«Я не могу воспринимать его как «Зубра». Ничего общего. Разве то, что Николай Владимирович, как и зубр, — редчайший, уникальный и для России, и для всего человечества феномен. Суть же его — никак не «зубрина».

Даже внешне он казался необычным: плотная и в то же время очень подвижная, стремительно, чуть ли не бегом передвигающаяся фигура с крупной, неповторимых очертаний, седой лысеющей головой, в одежде, далекой от строгих стандартов цивилизации — широких, вылинявших сатиновых шароварах на резинке, легкой рубашке с распахнутым воротом и короткими рукавами, открывавшими поросль полуседых волос на груди и руках, в тапочках» (Е.М. Фильрозе, кандидат сельскохозяйственных наук).

О жизненных принципах Николая Владимировича:

«У Николая Владимировича было два жизненных принципа. Первый из них — не делать сегодня то, что можно сделать завтра. Он считал, что его соблюдение освободит человека от массы ненужных дел. Действительно, принцип хорошо работает в жизни: назавтра ситуация меняется и многие дела отпадают сами по себе. Второй принцип — не относиться к науке со звериной серьезностью. Шутки, хорошее настроение дают отдых мысли. В Миассово можно было в рабочее время пойти в лес прогуляться, чтобы хорошо подумать или что-либо обсудить. Сидя за счетными установками, мы иногда затягивали песни. А можно было пойти искупаться. Сам Николай Владимирович этим пользовался, а так как он купался «без всего», то сначала подходил к каждой работающей в корпусе даме и докладывал, что пошел купаться. Мы относились к этому с пониманием и «не высывывали носа», так как купался он прямо около корпуса (М.Я. Чеботина)

Штрихи к портрету Николая Владимировича...

«Одним из поразительных качеств Тимофеева-Ресовского была его располагающая коммуникабельность. Он мог на равных беседовать и с шофером такси, и с маститым непреступным академиком типа генерала Е.Н. Павловского, директора монументального ЗИНа. Встретив нового человека, Тимофеев всегда первым вызывает его на откровенный разговор, прощупывая непредвзято, «кто ты есть на сей земле» (Ю.И. Новоженев).

«Личность Тимофеева-Ресовского была яркой и многогранной, в ней гармонично сочетались два противоположных и, казалось бы, несовместимых качества. Он был аристократом до мозга костей, прежде всего аристократом духа, и в то же время простым русским мужиком. В зависимости от обстоятельств, в разные моменты, в разных жизненных коллизиях, а иногда и просто в зависимости от его настроения, на первый план выступала то одна, то другая сторона его натуры. Его манера держаться была свободной и изящной. Он мог быть подчеркнуто любезным с дамами, целовать им при встрече и прощании руки, что в ту эпоху формализма в нашей стране делалось не часто, и чертыхаться на трибуне в зале заседаний ученого совета. Он легко находил контакт с людьми разного социального положения: и с шофером, и с лесником, и с молодым кандидатом наук. Но главное — он был и всегда оставался свободным человеком» (П.Л. Горчаковский, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН).

«Хотел бы напомнить одно ценное его качество — любовь к русскому языку. Он, хорошо знавший европейские языки, был очень чувствителен и заботлив по отношению к родной русской речи. Выражался всегда точно, емко и как-то сочно по-русски, как-то по народному просто, но в то же время без всяких там словечек и добавочных выражений. Николай Владимирович не мог хладнокровно слышать, как кто-нибудь из научных сотрудников произносит слово с неверным ударением, а уж ежели этот человек еще скажет, допустим, что-то вроде «ложить навеску», то взрыв эмоций достигал необычайной силы. Николай Владимирович крупными шагами ходил по залу и минут десять издевался над несчастным. Зато это хорошо запоминалось «грамотею» (С.А. Мамаев, член-корреспондент РАН, директор Ботанического сада УрО РАН).

Е.М. Фильрозе помнит такие слова Николая Владимировича: «Дороги — это место, которое обезжакуют». Сказаны они были о труднопроходимых дорогах Ильменского запо-

ведника. Однако эта фраза из частного разговора очень точно характеризует отношение Тимофеева-Ресовского к науке и жизни.

Е.ЛОНИЗОВКИНА

На снимках: на крыльце дома в Миассово. Слева направо: Н.В. Тимофеев-Ресовский, Е.А. Тимофеева-Ресовская, А.Н. Тюрюканов, Н.В. Готов, М.А. Коба, Н.А. Тимофеева, В.Г. Куликова. Н.В. Тимофеев-Ресовский с женой Еленой Александровной.